

Post-Древняя Русь

«Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в.

ПАЗ . ЙІШТАНІСЬ . ІПРВЧЛДІСНІ

Германский исторический
институт в Москве

«Места памяти» руси конца XV – середины XVIII в.

Ответственный составитель,

ответственный редактор серии

А. В. Доронин

РОССПЕН

Москва

2019

СОДЕРЖАНИЕ

Введение к сборнику	5
<i>Штайндорф Людвиг</i> (Киль, Германия). «Синопсис» как «место памяти» руси (статья, сопровождающаяся размышлениями о том, можно ли концепцию «мест памяти» переносить на раннее Новое время)	14
<i>Сиренов А. В.</i> (Санкт-Петербург, Россия). Святой князь Владимир как креститель Северо-Восточной Руси: несостоявшееся «место памяти»	25
<i>Русина Е. В.</i> (Киев, Украина). «Слава Орши» (1514) как «место памяти» в свете атрибуции «Сказания о победе Константина Острожского под Оршей»	43
<i>Гудманас Кястутис</i> (Вильнюс, Литва). «Летописец Великого княжества Литовского и Жомоитского» и «места памяти» руси: модусы рецепции Второго свода литовских летописей	64
<i>Воронин В. А.</i> (Минск, Беларусь). Витовт – герой Литвы, Ольгерд – герой Руси	88
<i>Дзярнович О. И.</i> (Минск, Беларусь). «Не обычым яким языком, але своим власным»: «руска мова» как «место памяти» руси ВКЛ XVI–XVII вв.	103
<i>Дубонис Артурас</i> (Вильнюс, Литва). Великое княжество Литовское как «место памяти» несостоявшейся литвинской нации (XV – начало XVII в.)	120
<i>Саганович Г. Н.</i> (Минск, Беларусь). Жировичская икона Богоматери как «место памяти» руси ВКЛ в XVI–XVIII вв.	149
<i>Романенко Е. В.</i> (Москва, Россия). «Соборы русских святых»	

Опарина Т. А. (Москва, Россия). Споры о Крещении Руси и истинной вере в полемической и канонической литературе Речи Посполитой и Московского государства в 1-й половине XVII в.	204
Дмитриев М. В. (Москва, Россия). «Израиль», Сион, Иерусалим как «место памяти» православной руси Речи Посполитой XVI–XVII в.	233
Граля Хероним (Варшава, Польша). Была ли «Святая Русь» «местом памяти» руси Речи Посполитой?	260
Ульяновский В. И. (Киев, Украина). Киев как «место памяти» и киевские «места памяти» Руси-Украины раннего Нового времени	292
Ткачук В. А. (Киев, Украина). Древние храмы и обители Украины в исторической памяти православной руси XVII в.	313
Синкевич Н. А. (Киев, Украина; Мюнхен, Германия). «Места памяти» руси католической в трудах украинских интеллектуалов XVI – середины XVII в.	335
Затылок Я. В. (Киев, Украина). От безымянных руин к православному Сиону: «места памяти» Руси-Украины XVII–XVIII вв.	350
Богория А. М. (Киев, Украина). «Украина обоих берегов Днепра»: Гетманщина конца XVII – XVIII в. и дискурс единой отчизны	378
Таирова Т. Г. (Санкт-Петербург, Россия). «Малая Россия» и «Украина» в историческом дискурсе Украинского гетманства конца XVII – первой четверти XVIII в.	398
Сукина Л. Б. (Переславль-Залесский, Россия). Борьба с иноземными завоевателями как «место памяти» Московской Руси в иконописи XVII в.	407
Степанович П. С. (Москва, Россия). «Царствующий град Московский» как «место памяти» в России XVI–XVII вв.	428
Одесский М. П. (Москва, Россия). Россия смиренная и торжествующая: «места памяти» в панегирических драмах Петровской эпохи (1705–1710 гг.)	461
Доронин А. В. (Москва, Россия). О Мосохе, «праотце российском»	480
Об авторах	513

«НЕ ОБЧЫМ ЯКИМ ЯЗЫКОМ, АЛЕ СВОИМ ВЛАСНЫМ»: «РУСКА МОВА» КАК «МЕСТО ПАМЯТИ» РУСИ ВКЛ XVI—XVII вв.

Дефиниции

Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ) в XVI—XVII вв. использовали несколько языков. В официальной сфере (если не принимать во внимание дипломатическую переписку) уже с момента учреждения постоянной канцелярии ВКЛ, т. е. с конца XIV в., можно выделить два основных разноязычных блока документов – на латыни и на «русской мове». Языком общегосударственных актов, подписанных непосредственно от имени великого князя, была преимущественно латынь. Но на местах документы составляли «по руски». Учитывая их, позволительно утверждать, что абсолютное большинство административных актов ВКЛ конца XIV – XV в. было на рус(с)ком. Рускоязычную традицию ВКЛ конца XV – середины XVI вв. представляли также тексты светские художественные и религиозные¹. С XVI в. все большее распространение в официальной сфере жизни ВКЛ стал получать польский язык, а в конце XVII в. он стал господствующим.

Ру(с)кий язык как любое живое социолингвистическое явление имеет собственную темпоральность, свои измерения. Еще в 1935 г. норвежский лингвист Христиан Станг проанализировал делопроизводство ВКЛ и окрестил его язык «западнорусским канцелярским» (*die westrussische Kanzleisprache*). Он отметил следующее: «То, что мы находим в общественных документах – это не церковнославянский язык, а западнорусский язык, на который влияла

¹ Лексіка старабеларускай літаратурна-пісъмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI стст. / І. У. Булыка і іш. Мн., 2016. С. 355.

церковнославянская традиция»². Большая часть грамот великого князя Казимира (1440–1492) происходит из земель нынешней Беларуси. Исходя из лингвистических критериев, Станг выделил в кириллической письменности ВКЛ следующие периоды: 1) «волынский» (североукраинский – южнобелорусский) – конец XIV – XV в.; 2) период «белорусизации» актового языка центрального аппарата управления ВКЛ – конец XV – первая половина XVI в.; 3) «белорусский» канцелярский язык времен Сигизмунда Августа (1544–1572) (на основе говоров Вильно и окрестностей)³.

Источники сообщают несколько названий официального письменно-литературного языка ВКЛ – мова руськая или же езикъ руський⁴. Соответственно *język ruski* (по-польски), *Reus(s)ische Sprache* (по-немецки), *lingua R(h)ut(h)enica* (по-латински). Притом имеется в виду славянский язык ВКЛ, но не язык Московской Руси. Еще одно его «самоназвание» – проста мова. И австрийский славист Михаил Мозер обращает наше внимание на то, что проста мова представляла собой кальку с немецкого эпохи Реформации – *Gemeinsprache, die gemeine Sprache*⁵. Проста мова, оформившаяся на основе делопроизводственного языка ВКЛ, нашла более широкое распространение в массах, чем московский приказной язык. Она проникла в церковную жизнь и богослужение, даже Священное Писание знает переводы на просту мову⁶.

Франциск Скорина и его языковая программа

Фигура белорусского первопечатника Франциска Скорины – центральная для национальной белорусской культуры (ил. 1). Его деятельность хорошо иллюстрирует социокультурную ситуацию в ВКЛ в первой половине XVI в. Скорина стоял у истоков не только белорусского, но и общеславянского кириллического книгопечатания.

² Stang Ch. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo: Dybwad, 1935. S. 34; Станг К. Ш. Заходнерусская канцелярская мова Вялікага Княства Літоўскага // Arche. 2010. № 6. С. 132.

³ Stang Ch. S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. S. 52; Станг К. Ш. Заходнерусская канцелярская мова Вялікага Княства Літоўскага. С. 291.

⁴ Клімай І. Да праблемы функцыянальнай стратыфікацыі старабеларускай мовы ў ВКЛ XIV–XVIII стст. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Мн., 2009. Вып. 11. С. 157.

⁵ Мозер М. Что такое «простая мова»? // Studia Slavica Hungarica. 2002. Vol. 47. Nr. 3–4. P. 221–260.

⁶ Живов В. М. История языка русской письменности. Т. II. М., 2017. С. 900.

Скорина происходил из православной⁷ полоцкой купеческой семьи. Возможно, не самой богатой, но достаточно влиятельной и обладавшей широкими торговыми связями, которые позволяли ей заниматься коммерцией также в Вильно и Познани. Принципиальным для раннего, полоцкого, периода жизни Скорины является вопрос о его образовании. Весьма вероятной выглядит версия о посещении им школы бернардинского монастыря в Полоцке⁸. С этим может быть связано и имя будущего первопечатника. (На территории ВКЛ и Польши обозначение «бернардинцы» закрепилось за ветвью обсервантов (приверженцев наиболее строгого устава) аскетического ордена францисканцев.) С 1504 по 1506 г. Скорина учился в Краковском университете. Известно несколько академических степеней, которые получил полоцкий студиозус⁹: бакалавр *artes liberales* Краковского университета (1506), магистр *artes liberales* Падуанского университета (1512), д-р медицины Падуанского университета (1512). Таким образом, Скорина происходил из «русского» мещанского рода одного из крупнейших городских центров ВКЛ того времени – Полоцка, но все ступени его образования были связаны с получением западной учености. Это обстоятельство в контексте трансфера идей представляется принципиальным.

Так или иначе, Скорина осел в столице Чешского королевства, где в 1517–1519 гг. осуществил грандиозный проект по переводу и изданию Библии. Он опубликовал в Праге 23 книги Ветхого Завета, из них книги Царств – одним комплексом, а начал с Псалтыря. Все они имели общий заголовок – «Библия Руска, выложенна докторомъ Францискомъ Скориною из славного града Полоцька, Богу ко чти и людемъ посполитымъ к добруму научению» (ил. 2)¹⁰. Вероятно, Скорина имел собственную программу издания всех книг Ветхого Завета, но смог реализовать лишь приблизительно половину из нее.

Учитывая поликонфессиональный ландшафт, в котором жил и работал Скорина, важно понять, какому канону он следовал. Эту тему неоднократно поднимали в историографии. Высказывали мнение, что у него был свой собственный, «независимый от богословской

⁷ Антропонимика позволяет определить его как православного – отец Франциска носил имя Лука, старший брат – Иван.

⁸ Мальдзіс А. Францыск Скарына як прыхільнік збліжэння і ўзаемаразумення людзей і народаў. Мн., 1988. С. 26; Галенчанка Г. Я. Францыск Скарына – беларускі і ўсходнеславянскі першадрукар. Мн., 1993. С. 87.

⁹ Галенчанка Г. Я. Францыск Скарына: у паціне версій, стэрэатыпай і міфай // Российские и славянские исследования: науч. сб. Мн., 2008. Вып. 3. С. 126.

¹⁰ Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарына ў 1517–1519 гг. У 3 т. Т. 1. Мн., 1990. С. 5.

ортодоксии взгляд на Библию»¹¹. Утверждали, что предложенная им последовательность книг Ветхого Завета соответствует православной традиции¹². Сам Скорина наиболее емко высказался об общей структуре Библии в предисловии к Книге Бытия¹³. Но дискуссию вызывает даже не столько его выборка ветхозаветных книг, сколько их статус. Например, некоторые книги пророков хоть и признаны православной традицией, но считаются в ней не богоухновенными, а душеспасительными, в то время как в католической традиции они относятся к числу канонических. А Скорина включил их в свою издательскую программу.

Восточнославянские версии Библии были основным источником пражских и виленских изданий Скорины. Но он использовал также чешскую Библию (венецианская издание 1506) и латинскую Вульгату. Таким образом, Библия Скорины не вписывается ни в одну из конфессиональных схем Священного Писания¹⁴.

Каждую из опубликованных им книг Библии Скорина сопроводил собственным предисловием, где представил свое религиозное кредо, привел экскурсы в историю и географию, кратко изложил содержание книги. А на полях поместил маргинальные глоссы, разъясняющие сложную и незнакомую лексику, названия или отсылающие к параллелям в других книгах Ветхого Завета. Часто эти глоссы представляют собой не что иное, как перевод со старославянского на «руску мову». В значительной степени в этих «русских» переводах используется протобелорусская лексика, которая отсутствует вprotoукраинском языке (например, холмы (ц.-сл.) – узгорки (ст.-бел., современный эквивалент – узгоркі))¹⁵.

Скорининский язык Ветхого Завета синкретичен, в нем присутствуют две основные языковые стихии – церковнославянская и «руска мова». Специальные подсчеты лингвистов показывают, что в изданиях Скорины церковнославянизмы достигают 63,4 %, «белорусизмы» – 36,6 %¹⁶. Анализ кириллической конфессиональной литературы ВКЛ

¹¹ Алексютоўч М. А. Скарына, яго дзеянасьць і светапогляд. Мн., 1958. С. 86.

¹² Дышыневіч В. Н. Скарына і славянская кніжная традыцыя // Спадчына Скарыны: зб. матэрыялаў першых Скарынаўскіх чытанняў (1986). Мн., 1989. С. 146–147.

¹³ Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю. Т. 1. С. 7–16.

¹⁴ Галенчанка Г. Я. Францыск Скарына. С. 122–124.

¹⁵ См., напр.: Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю. Т. 3. С. 115.

¹⁶ Булыка А., Жураўскі А., Свяжынскі У. Мова выдання Францыска Скарыны. Мн., 1990. С. 219.

XV–XVI вв. показывает, что именно у Скорины наибольший процент церковнославянских маркеров. Но они распределены неравномерно. Так, белорусские лингвисты вывели зависимость числа церковнославянлизмов от содержания изданных им книг: наибольший процент их приходится на те, которые связаны, скорее, с морально-этическими наставлениями (Плач Иеремии, Книга Иова). В книгах же исторических (Книги Царств, Книга Юдифи, Книга Руфи, Книга Эсфири) число церковнославянлизмов заметно снижается на фоне прироста «белорусизмов»¹⁷.

Издания Скорины нельзя в полном смысле считать переводом Библии на «руску мову», так как их церковнославянская языковая основа проступает очевидно. Но языковые новации Скорины в совокупности значительно отделили «руску мову» от традиционного церковнославянского языка восточнославянской редакции. Язык его переложений Библии может быть обозначен как протобелорусский вариант церковнославянского языка¹⁸.

Однако этим в целом формальным анализом языка первой печатной белорусской книги нельзя ограничиться. Сам Скорина определял его так: «Библия Греческим языком Порускии сказуется»¹⁹. А известный исследователь церковнославянского языка Рикардо Пиккио²⁰ отмечает, что в любом из регионов православного славянства он являлся не своего рода «вторым языком», а представлял собой систему межславянских языковых норм или «изонорм», благодаря чему тексты на церковнославянском имели свободное хождение среди читателей разного лингвистического уровня. Единство литургического церковнославянского языка основывалось на догматических принципах. А уж какие местные лексические формулы и формы внедрял в свои тексты тот или иной автор или издатель, зависело от аудитории, на которую он ориентировался, т. е. от практических, функциональных соображений.

Новаторство Скорины в лингвистической сфере может быть оценено по-разному, в т. ч. как преодоление «замшелых традиций» церковнославянского языка²¹. Но отрицать приоритетный статус церковнославянского в землях *Slavia Orthodoxa*, где церковная

¹⁷ Там же. С. 220.

¹⁸ Там же. С. 221, 225.

¹⁹ Біблія. Факсімільнае ўзнайленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю. Т. 1. С. 7.

²⁰ Picchio R. Church Slavic // The Slavic Literary Languages: Formation and Development / eds. A. M. Schenker, E. Stankiewicz, M. S. Iovine. New Haven: Yale Concilium on International and Area Studies, 1980. P. 33.

²¹ Прашковіч М. Францішак Скарына – беларускі першадрукар. Мн., 1970. С. 25.

и светская интеллигенция воспринимала его как возвышенно-торжественный стиль родного языка, нельзя.

Своими изданиями Библии Скорина подчеркнул отличие церковнославянского от «русской мовы», соответственно – необходимость переводов на «руськую мову». В предисловии к Псалтырю он так обосновал свои гlosсы: «Также положил есми на боzech некоторыи слова для людей простых, не рушаючи самое Псалтыри не в чем же, яко суть онагри, в геродеево жилище, и хлябие и иные слова, которые суть в Псалтыри неразумныи простым людем, наидутъ е на боzech руским языком, что которое слово знаменуетъ»²².

Своим видением проблемы соотношения церковнославянского языка и «русской мовы» в среде руси ВКЛ в раннее Новое время делится израильский исследователь Поль Векслер (см. табл. 1²³).

Таблица 1. Первая стадия двуязычия

	Церковнославянский язык	«Руска мова» (по Векслеру, белорусский язык)
Функции	письменная, литургическая	разговорная, редко – письменная
Названия норм	славянороссийский; славянорусский; словенский	рус(ъ)ка мова; проста мова (молва, малва); простой рус(ъ)кий диалект

Вторая стадия двуязычия

	Церковнославянский язык	Протобелорусская редакция церковнославянского языка	«Руска мова» (по Векслеру, белорусский язык)
Функции	каноническая религиозная	язык богословских и научных трудов, светской литературы и эпистоляриев	разговорная речь, язык делопроизводства и права

Сохранение в скорининских переводах Библии около 63 % грамматических и лексических отличительных признаков церковнославянского языка, вместо которых в тогдашних рускомовых письменных текстах использовали местные аналоги, показывает, что он, видимо, и не ставил себе цель окончательно преодолеть церковнославянский поток, в целом понятный тогдашним читателям²⁴. С учетом Второй стадии двуязычия руси ВКЛ, которое можно было бы обозначить как внутреннюю диглоссию, изданные Скориной книги, безусловно, принадлежат к памятникам ранней белорус-

²² Біблія. Т. 3. С. 8.

²³ Вэкслер П. Гістарычна фаналогія беларускай мовы. Мн., 2004. С. 33.

²⁴ Булыка А., Жураўскі А., Свяжынскі У. Мова выдання Францыска Скарэны. С. 232.

ской письменности. Анализ лингвистической, библиоведческой и социокультурной деятельности Скорины позволяет утверждать, что уже в начале XVI в. он сформулировал широкую языковую программу по адаптации церковнославянской традиции к практике «русской мовы». При этом символическая нагрузка возлагалась именно на последнюю.

Но у Скорины было два отечества – языковое и территориальное, как он сам образно выразился об этом в Предисловии к Книге Юдифи: «Понеже от прирождения звери, ходящие в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведають гнезда своя; рыбы, плавающие по морю и в реках, чують виры своя; пчелы и тым подобная боронять ульев своих, – тако ж и люди, и где зродилися и ускормлены суть по Бозе, к тому месту великую ласку имаютъ»²⁵.

Скорина принадлежал к русинскому сообществу ВКЛ, был римо-католиком, а в политическом плане – литвином. Подобная полиморфность, совершенно не противоречивая в условиях ВКЛ, проявилась как в его культуртрегерской деятельности, так и в его трактовке библейского канона. Помимо прорыва в славянском книгоиздании и переводе Библии он добился еще одного очень значимого результата – он первым из интеллектуалов ВКЛ адаптировал «руску мову» к сакральной традиции, притом в массовом печатном издании. Все это впоследствии окажет серьезное влияние на формирование надрегиональной этнокультурной идентичности, первоосновы современной белорусской нации.

«Руска мова» и язык права ВКЛ XVI в.

Практика кодификации делопроизводства ВКЛ была связана именно с «руской мовой». Первым опытом общеземского сборника норм права ВКЛ стал Судебник Казимира от 29 февраля 1468 г. («чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ»)²⁶. Он устанавливал отдельные нормы процессуального и уголовного права, но, что естественно для того времени, не сам язык судебной тяжбы.

Наилучшим материалом для анализа языковой ситуации в сфере делопроизводства ВКЛ является Метрика ВКЛ – копийный фонд (делопроизводственный архив) документов канцелярии, исходивших от великого князя, панов-рады (Государственного совета при великом князе) или Сейма. Рассмотрим Книги записей и Судебные книги – некоторые из них относятся к числу самых ранних (см. табл. 2).

²⁵ Біблія. 1991. Т. 2. С. 604.

²⁶ Statut Kazimierza Jagiellończyka, pomnik naydawniejszych uchwał litewskich z XV wieku / wynaleziony i drukiem ogłoszony, staraniem Ignacego Daniłowicza. Wilno, 1826. S. 4.

Таблица 2. Книги Метрики ВКЛ (выборочно), конец XV – начало XVI в.,
языковой аспект

№ п/п	Номер ²⁷ и разряд ²⁸ книги	Кол-во листов	Датировка документов	Кол-во актов на «русской мове»	Кол-во актов на латыни	Кол-во актов на польском языке
1	№ 3, Книга записей 3	94 ²⁹	1440–1498	43 ³⁰	–	–
2	№ 221, Книга судебных дел 1	42	1510–1517	62	–	–

Как видно уже из этой краткой таблицы, в конце XV – начале XVI в. наблюдается абсолютное господство «русской мовы» во внутреннем делопроизводстве ВКЛ.

Однако XVI в. отмечен не только масштабными языковыми программами первопечатников, но и принципиальными новациями в том, что касается языка делопроизводства ВКЛ. Впервые обязательное использование «русской мовы» в земских канцеляриях было закреплено в Статуте ВКЛ 1566 г., в первой статье раздела 4 («О судьяхъ и судехъ»): «А писар земский маеть по-руски литерами и слова рускими вси листы и позвы писати, а не иныхъ языком и слова, и так маєт писар присегати»³¹. Статут 1566 г. был утвержден после проведения в ВКЛ масштабной административно-территориально-судебной реформы. Он должен был регламентировать функционирование права в новых условиях. А установленная им языковая норма касалась в первую очередь такого важного института словного шляхетского самоуправления, как земские суды, членов которого (судей, подсудков, писарей) выбирала поветовая шляхта из числа местных шляхтичей, владевших имуществом и знавших

²⁷ См.: РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Ч. 1.

²⁸ См.: Пташицкий С. Л. Описаніе книгъ и актовъ Литовской Метрики. СПб., 1887.

²⁹ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Knyga Nr. 3 (1440–1498): Užrašymų knyga 3 / parengė Lina Anužytė ir Algirdas Baliulis. Vilnius: Žara, 1998.

³⁰ Вместе со вступительным реестром розданных имений 42 документа книги имеют польские заголовки, но сам текст – на «русской мове». Книга была переписана в 1597 г.

³¹ Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. Т. I. / Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхно. Мн., 2003. С. 97.

право. Отныне судебные чиновники и присягу должны были приносить «по-русски». Таким образом, «руска мова» становилась одним из основных маркеров нарождавшейся тогда литвинской политической нации. Примечательно, что в Первом Статуте ВКЛ от 1529 г., в разделе 6 («О судьях»), отсутствовала какая бы то ни было регламентация языка делопроизводства³².

Следует признать, что по поводу языка Статута 1566 г. уже звучал определенный скепсис. Речь идет об оценках виленского вайта Августина Ротундуса (Мелевского), переводчика Статута на латинский. Он не без оснований заявлял, что «руска мова» в отличие от латыни не имеет устойчивых грамматических правил. И вправду, сторонних наблюдателей могла удивлять необычная пестрота «рускомовной» картины: она была поливариативна³³. Но здесь уместно вспомнить биографию самого Ротундуса – по происхождению поляка, но патриота ВКЛ и одного из видных деятелей Контрреформации в нем, а также протагониста теории итальянского происхождения литовцев. В предисловии к своему латинскому переводу Статута он указывал на (польско-«русскую») биязычность шляхты ВКЛ: *“Lituanos ab Italis originem ducere, sermo agrestium, multum ad sermonem Italorum, tanto locorum et temporum intervallo, accedens, verisimile facit; nam nobiliores ex consuetudine, quam cum Polonis et Russis, ob commune imperium habent, Polono et Russo sermone, nativum permutarunt”*³⁴.

Тем не менее правовая норма относительно языка судебного делопроизводства обрела настолько принципиальное значение для элиты ВКЛ, что отдельные сановники могли отказаться выполнять распоряжения короля и великого князя, даже подписанные ими самими, если документы были подготовлены не на «русской мове». Показателен в этом плане демарш воеводы Смоленского, старости Менского и Пинского Василия Тышкевича, который принял к исполнению волю властителя только тогда, когда Сигизмунд Август вслед за польским выслал ему и «руски лист». Он упрекал воеводу за то, что тот не передал, как было велено, господарскому писарю Яну Терлецкому три волоки земли: «...ти ся того сельца

³² См.: Pirmasis Lietuvos Statutas. Pirmasis Lietuvos Statutas. T. II, d. 1: Tekstai senaja baltarusių, lotynų ir senaja lenkų kalbomis. Vilnius, 1991. P. 158–160.

³³ Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 г. Krakow, 2008. C. 60.

³⁴ Statuta Magni Ducatus Lituaniae... e rutheno sermone in latinum conversa // Pomińki prawa litewskiego z XVI wieku. Cz. 1. Archiwum Komisji Prawniczej AU / wyd. F. Piekosiński. T. 7. Kraków, 1900.

ему ешо не поступил... а особливе дей вымову твоя милость чинишъ тымъ, иж есмо через лист нашъ по-польску писаный твоей милости росказали»³⁵. По получении же «русского листа» Тышкевич больше не имел зацепок проигнорировать это требование: «...тепер хочемъ мети и приказуемъ тебе, ажбы т(воя) милость с оным листом н(а)шъ польскийничог(о) не дбаючи и з им... водлуг першог(о) листу н(а)шого, о томъ до т(воей) м(илости) писаног(о), вжо кромъ всякое проволоки и затрудненъя»³⁶.

Статут ВКЛ 1588 г. (ил. 3) вслед за Статутом 1566 г. уже в первой статье Раздела 4 («О судьях и судех») предписывал обязательность «русской мовы» в делопроизводстве земских канцелярий: «А писарь земельский маеть по-руску литерами и слова рускими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншими езыкомъ и словы»³⁷. Более того, эта норма была распространена и на гродские (замковые) суды, которые находились в юрисдикции воевод, представителей центральной власти. Статья 37 того же 4-го Раздела определяла порядок назначения и функционирования таких судов: «Уставуемъ, ижъ воеводове и старостове судовые мауть зособна каждый з нихъ на вряде своеъ выбрать и на судъ засадити наместника албо подъстаростего, судью замъкового и писара, людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, в праве и писма руского уменыхъ шляхътичовъ, в томъ же поветѣ оселыхъ и родичовъ того панства, Великого Князества Литовскаго, которые, присегу вчинивъши ротою суды земельского, а писарь ротою писара земельского, а посполу вси три зуполный судъ заседъши, мауть и моць мети будуть судити и справовати вси речи судовые, замку або двору нашему належачие»³⁸.

Но только этими юридически закрепленными нормами языковые новации в Статуте 1588 г. не исчерпывались. В своем программном обращении ко «всимъ вобецъ станомъ Великого князества Литовскаго» по случаю принятия Статута подканцлер Лев Сапега изложил общую концепцию правового устройства ВКЛ, определив место «русской мовы» в нем как языка «власного» (собственного): «А если которому народу встыд прав своих не умети, поготовю нам, которые

³⁵ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Knyga Nr. 52 (1569–1570). Užrašymų knyga 52 / parengė Algirdas Baliulis ir Romualdas Firkovičius. Vilnius, 2004. P. 74, № 67.

³⁶ Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 52. P. 74. № 67.

³⁷ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментары. Мн., 1989. С. 140.

³⁸ Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. С. 68.

не обычным яким языком, але своим власним права списаные маем и каждому часу, чого нам потреба ку отпору всякое кривды, ведати можем»³⁹. Таким образом, этот «власний» язык мы вправе рассматривать как один из важнейших атрибутов правовой системы и суверенитета ВКЛ в XVI в.

Предисловия Сапеги к Статуту 1588 г. представляют собой самостоятельную его часть и отличаются лингвистически от остального текста памятника⁴⁰. Насыщенные тропами и синтаксическими фигурами, эти тексты сродни политическим трактатам. Они являлись риторическими образцами для своего времени⁴¹. Более того, практически все переиздания Статута 1588 г. (кроме 1648 г., где опущено Обращение, и 1811 г., где вообще нет введений) в дальнейшем воспроизводили предисловия Сапеги к первому изданию кодекса⁴² – настолько они были важны в историческом контексте самоорганизации политического литовского народа.

Изучение документов, связанных с подготовкой Статута 1588 г., позволяет утверждать, что по поводу языка Статута шли дискуссии. Эту тему Сапега обсуждал, например, в переписке с воеводой Виленским Христофором Радзивиллом Перуном. Так, в письме Сапеги от 13 июля 1588 г. есть его собственноручная приписка: *"statut nowy rozkazałem już drukować po rusku"*⁴³. Вместе с тем Сапега считал нужным опубликовать его и на польском языке, однако терминологические трудности, да и сама правовая традиция обусловили выбор в пользу «русской мовы»: *"Chciałbym go i po polsku wydać, ale kiedybym miał de verbo ad verbum go przełożyć wedle ruskich słów i sentencyi, bardzo by było nie grzecznie, a inaczej nie śmiem, to jest, żebych słów ani sentencyj nie obserwował, jeno sensu"*⁴⁴.

Чтобы оценить языковые реалии / языковую экосистему канцелярии ВКЛ, полезно проанализировать состав книг Метрики ВКЛ кануна принятия Статута 1588 г. (см. табл. 3).

1. ³⁹ Там же. С. 48.

⁴⁰ Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 г. С. 63.

⁴¹ Лабынцев Ю. А. «Статут Великого княжества Литовского» 1588 г. – памятник белорусской старопечатной литературы (к 400-летию выхода в свет) // Советское славяноведение. 1988. № 5. С. 81.

⁴² Алехна Т. В. Структура и прагматика вводного текста (предисловия Льва Сапеги к Статуту Великого княжества Литовского 1588 г.): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Мин., 1999. С. 8.

⁴³ Archiwum Domu Radziwiłłow. Kraków, 1885. S. 195–196.

⁴⁴ Ibid.

Таблица 3. Язык книг Метрики ВКЛ второй половины XVI в.
(ок. 1588 г.)

№ п/п	Номер и разряд книги	Кол-во листов	Датировка документов	Кол-во актов на «русской мове»	Кол-во актов на латыни	Кол-во актов на польском
1	№ 70, Книга записей 70 ⁴⁵	214 v.	1582–1585	160,5 ⁴⁶	22	8,5
2	№ 71, Книга записей 71 ⁴⁷	98	1585–1586	–	109 (заголовки копий актов на польском)	–
3	№ 272, Книга судебных дел 58 ⁴⁸	255	1576–1579	147	–	0,5 + 0,5 (2 док-та имеют вставки на польском)
3	№ 276, Книга судебных дел 62 ⁴⁹	243	1584, 1586, 1597	–	210	5 ⁵⁰

Как мы видим, в делопроизводстве канцелярии ВКЛ второй половины XVI в. «руска мова» все еще сохраняет перевес, но все более востребованным становится даже не польский язык, а латынь. Число латиноязычных актов в книгах Метрики ВКЛ накануне издания Статута 1588 г. соизмеримо с числом актов на «русской мове». Не означало ли это, что лингвистическая программа Августина Ротундуса и Михалона Литвина по внедрению в общественную жизнь ВКЛ латинского языка как материнского для литовского начала тогда

⁴⁵ Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 70 (1582–1585 гг.): Кніга записай № 70 (копія канца XVI ст.) / падрыхтаваў А. А. Мяцельскі. Мн., 2008.

⁴⁶ Один акт комбинированный – на «русской мове» и польском.

⁴⁷ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Knyga 71 (1585–1586). Užrašymų knyga 71 / parengė Darius Antanavičius. Vilnius, 2008.

⁴⁸ Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 272 (1576–1579 гг.): Кніга судовых спраў № 58 (копія канца XVI ст.) / падрыхтаваў А. А. Мяцельскі. Мн., 2015.

⁴⁹ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика. Knyga Nr. 276: (1584, 1586, 1597); 62-oji Teismų bylų knyga / Lietuvos istorijos institutas; parengė Darius Antanavičius. Vilnius, 2010.

⁵⁰ Все польскоязычные документы датируются 1597 г., их заголовки даны на латыни.

площаться в жизнь? В поисках ответа на этот вопрос следует принять во внимание одно важное обстоятельство – пик латиноязычного делопроизводства ВКЛ приходится на период правления короля и великого князя Стефана Батория (1575–1586), который культивировал в своей канцелярии преимущественно латинский язык. Но, так или иначе, роль и престиж латыни как одного из канцелярских языков ВКЛ в этот период существенно повысились. В таком случае почему бы не предположить, что риторика Льва Сапеги и закрепление «русской мовы» в качестве языка Статута 1588 г. были реакцией в т. ч. на наступление латыни.

Признание некоего языка – в данном случае «русской мовы» – в качестве официального в центральном и местном делопроизводстве было совершенно новым явлением для Великого княжества. Притом в условиях, когда с начала XVI в. в стране ширилась и сфера использования польского языка – не только при велиkokняжеском дворе, но также среди магнатерии и шляхты. В обосновании авторитета и самостоятельности «власного» языка в предисловиях Сапеги, помимо самих статей Статута ВКЛ, отчетливо звучит убежденность в непреходящей значимости «русской мовы» для ВКЛ.

«Езыка своего славного занедбане»

Протестантская конфессионализация середины XVI в. актуализировала вопрос языка не только как функциональной, но и символической системы. Наиболее остро тему языка катехизации, языковой традиции озвучил в ВКЛ Василий Тяпинский (1530/40-е – около 1603) (ил. 4), полемист эпохи Реформации и переводчик Евангелия с церковнославянского на «руску мову». Примерно к 1580 г. он подготовил издание, включавшее в себя Евангелия от Матфея, Марка и (начало) от Луки (ил. 5). В два столбца – на церковнославянском и «руской мове». Это яркий пример сближения языка религиозной литературы с живыми говорами руси XVI в.⁵¹: «...рад покажу мою веру, которую маю, а злаща народу своему рускому»⁵². Именно язык в центре программы Тяпинского помимо религиозных задач катехизации, о чем он и заявляет в предисловии к своему изданию Евангелия (ил. 6): «Бо а хто богобоинный не задержить, на такую казнь божию гледечи, хто бы не мусил плакати, видечи так великих княжат, таких панов значных, так много деток невинных, мужов з жонками

⁵¹ Прыгодзіч М. «Зъ убогое своее маєтности народоу моему услугую...». Васіль Цяпінскі і яго «Евангелле» // Роднае слова. 1995. № 10. С. 46–50.

⁵² Прадмовы і пасляслоўі паслядоўніка Францыска Скарны / уклад. У. Г. Кароткага. Мн., 1991. С. 33.

в таком зацном русском, а злаща перед тым довстипном ученом народе, езыка своего славнаго занедбане, а просто взгарду»⁵³.

В начале XVII в. шляхта ВКЛ все еще являлась носителем «русской» учености. Это подтверждает и новый для того времени жанр светской литературы – диариуши (дневники, описания путешествий). Один из первых диариушей ВКЛ был составлен в 1603–1604 гг. новогрудским подсудком (помощником судьи), кальвилистом Федором Евлашевским (1546–1616) кириллицей на языке, который современные филологи называют старобелорусским (ил. 7). У Евлашевского он насыщен польской лексикой и польскими речевыми оборотами, что во многом объясняет его биография.

О своем начальном образовании Евлашевский вспоминает так: «А в пятом року почато мне бавити наукою рускою, кгдыш в тых часех в той нашей стороне не было еще иных наук. И для того ж пришло ми зостать з рускою и полскою наукою»⁵⁴. Впрочем, его способности к языкам были выше средних: «...и по жидовски написать умелом. Але тое письмо их потребуе умеености языка эбрайского, або хоть немецкого; кгдыш вже тепер Библия жидовская немецким езыком, а литерами их выдана, чого полским езыком учинить бы се не могло для ортографеи, якай в ынших языкох не маш»⁵⁵.

К слову, Русь / русь как регион ВКЛ он отделял, что видно из его дневника, от Московии / московитов определенно не только территориально: «В месецу червцу [1580] Москва, невидоме в руски земли вторгнувшi, огнем и мечем и забранем великие шкоды починила»⁵⁶.

В середине XVI в. наиболее выдающиеся проводники Реформации в среде руси ВКЛ использовали «руску мову» в своей катехизационной деятельности. Опираясь на родной «славный язык», они в то же время тревожились о его будущем.

Привязанность к своему языку и тревога за него звучат и в известном стихотворном панегирике «русчизне» Яна Казимира Пашкевича (†1636) (ил. 8). В 1621 г. он записал его на 13 листе Слуцкого списка Статута Великого Княжества Литовского 1529 г.⁵⁷ (Там же

⁵³ Прадмовы і пасляслоўі паслядоўнікаў Францыска Скарыны. С. 34.

⁵⁴ Свяжынскі У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. Mn., 1990. С. 17; Антalogія даўняй беларускай літаратуры XI – першай паловы XVIII ст. Mn., 2003. С. 483.

⁵⁵ Свяжынскі У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. С. 17; Антalogія даўняй беларускай літаратуры XI – першай паловы XVIII ст. С. 483.

⁵⁶ Свяжынскі У. М. «Гістарычныя запіскі» Ф. Еўлашоўскага. С. 24.

⁵⁷ Российская Национальная Библиотека. Рукописное отделение. Q II.51. Л. 13; Антalogія даўняй беларускай літаратуры. С. 691.

сохранилось еще несколько автографов поэта и других лиц⁵⁸.) Приведем его полностью:

«Пол(ъ)ска квитнет лациною,
Литва квитнет русчизною;
Без той в Пол(ъ)ще не пребудеш,
Без сей в Литве блазном будзеш.
Той лацина езык дает,
Та без руси не вытравает.
Ведзь же юж русь, иж тва хвала
По всем свете юж дойзрала.
Весели ж се ты, русине,
Тва слава никгды не згине!»

О Пашкевиче сохранилось мало сведений. По наиболее старой версии, он происходил из католического шляхетского рода Ошмянского повета Виленского воеводства и пользовался гербом Радван⁵⁹. Более поздняя версия относит Пашкевича к кальвинистской шляхте Случчины. Весьма вероятно, он служил в Канцелярии ВКЛ и за свои заслуги был номинирован 18 августа 1631 г. на скарбовое дворянство⁶⁰. Тогда понятно, почему он владел рукописью Статута ВКЛ 1529 г. В ее «рукою власною» 22 августа 1621 г. Пашкевич вписал стихотворение, глубоко символичное для русинской культуры раннего Нового времени.

В поэтической форме он проиллюстрировал срастание литовских и русинских компонентов культуры ВКЛ. Оно «квитнет», т. е. расцветает, благодаря «русчизне». Но мы знаем, что в этот период в ВКЛ активно завоевывают передовые позиции польский язык и польскоязычная культура. Нет ли тут противоречия? Неожиданную подсказку на этот счет может дать анализ литературной стилистики самого стихотворения. Белорусский литературовед Микола Гринчик показал, что Пашкевич использовал традиции интонационно-слогового стихосложения, а его установка на интонационную соизмеримость

⁵⁸ Это рукописный список в 269 листах, форматом «в четверть». Он может быть датирован 1590-ми гг. В 1620-е гг. им владел Ян Казимир Пашкевич, затем – Людвик Домарацкий, Казимир Клокоцкий. С конца XVII в. до 1816 г. рукопись находилась в библиотеке Слуцкой иезуитской коллегии, потом – в библиотеке Виленского университета.

⁵⁹ Галубович В. Ян Казімір Пашкевіч: паэт на мякы культур // Скарбынаўства, кніганаўства, літаратуранаўства. Мн., 2001. С. 149.

⁶⁰ Галубович В. Матэрыялы па гісторыі скарбу ВКЛ у кнігах запісаў за перыяд праўлення Уладзіслава IV Вазы // Białoruskie Zeszyty Historyczne: Беларускі гістарычны зборнік. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2002. Z. 17. S. 74.

и параллелизм синтаксических частей «бесспорно, в условиях начала XVII в. [...] являлась рецидивом далекого прошлого и свидетельствовала о консерватизме и личной привязанности автора к старым интонационно-слоговым традициям»⁶¹. (В этом смысле Пашкевич стоит особняком, почти все стихотворения начала XVII в. написаны в ритме 13 или 11 слогов⁶².)

В первой половине XVII в., когда Пашкевич, как мы думаем, служил в канцелярии, мы наблюдаем переход от «русской» традиции ведения делопроизводства к польской. Поэтому и по стилистике, и по содержанию его стихотворение анахронично⁶³. Но в этой умышленной архаизации и содержится смысловой ключ манифеста Пашкевича: он отсылает к старым родным традициям, к «русчизне», понимаемой широко, но также в конкретном лингвистическом смысле.

С одной стороны, эпизод со стихотворением Пашкевича свидетельствует о том, что «урядники» Канцелярии ВКЛ могли быть людьми не только уровня технических исполнителей, но были включены в актуальный культурно-политический контекст, являлись людьми творческими. С другой стороны, мы видим, что ВКЛ начала XVII в. стояло перед альтернативами культурного выбора.

Заключение

На протяжении XVI – первой половины XVII в., т. е. до периода крупных социальных и культурных потрясений середины XVII в., с «русской мовой» ВКЛ происходила существенная трансформация. Она все более «белорусизировалась», испытывая вместе с тем сильное польское влияние, а в общественно-политической сфере начинала сдавать свои позиции польскому языку. Однако, анализируя языковую ситуацию этого периода, можно сделать вывод, что символический капитал «русской мовы», наоборот, возрастал. Закрепление «русской мовы» в Статутах ВКЛ 1566 и 1588 гг. в качестве официального языка делопроизводства позволяет нам говорить о ней как о важном маркере единой сложносоставной этнокультурной идентичности шляхты ВКЛ. Да и протестантские деятели ВКЛ русинского происхождения в своей катехизационной деятельности также апеллировали к «русской мове», притом в их трудах она обретала уже этнические коннотации. А на исходе первой трети XVII в. прозвучал панегирик «русчизне» Яна Казимира Пашкевича. Прозвучал

⁶¹ Грынчык М. М. Шляхі беларускага вершаскладання. Мн., 1973. С. 50.

⁶² Там же. С. 55.

⁶³ Там же. С. 48.

тогда, когда «руска мова» стала серьезно отступать, в т. ч. в канцеляриях ВКЛ, перед лицом польской языковой стихии.

Во второй половине XVI – начале XVII в. представители литвинской элиты – как государственные мужи, так и интеллектуалы – реализовывали программу политической и социальной консолидации. И для ее русинских представителей, независимо от их конфессиональной принадлежности, «руска мова» и ее архаизированные традиции были непреложной частью общего пространства их коллективной исторической памяти.

К статье О. И. Дзярновича

Ил. 1. Франциск Скорина. Гравюрный портрет
«Книга Иуса Сирахова, рекомая Панаретос,
Еклесиастыкус или Церъковник». Прага, 5 декабря 1517).

Ил. 2. Титульная страница Книги Бытия («Бивлия Руска выложена докторомъ Францискомъ Скориною изъ славнаго града Полоцька, Богу ко чти и людемъ посполитымъ къ добруму научению». Прага, 1519).

СТАТУБЕЛКОБКНЯГЫ ВЛЮБКІ

шнаажнішага гдра короля єго малоти
жисимоньта гречаго пакоронаціи
въскрекове вѣданіе : рису
л ф тп.

Другій або въскрекове вѣданіе

въдрокарии дома маминичевъ.

Замка въпрывиль король єго малоти .

Ил. 3. Титульный лист Статута ВКЛ 1588 г.
(Вильно, Типография Мамоничей).

ВЯСИЛЬ ТЯПИНСКІЙ

Ил. 4. Василий Тяпинский (?). Копия с древорита 1578 г.
(Ластоўскі, Вацлаў. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі.
Коўна, 1926. С. 411).

же поведе иже исусъ. Иондѣ є
ше ёго, поѣлониша імъ обіж-
сѧ, рече имъ, гла. дѣствиа в
саке влѧсть наинесіїназѣй. л.
Шедши набічнѹ єса азъки.
крестающе ихъ, сойма тицъ иси
на искушениа азъя. Отише и
уѣлюстн, єса єникъ заповеда
уѣсамъ. исе изъ єсамъ іемъ, со
єса єни. доскоічнѧа оска.
[єминъ].

[Конецъ євангелии писаныи съестого матѳла, скоторой прислоф
иакъ положено. иакъ єе по и асте, скоторо иакъ внесенъ, подяле.]

ЕВАНГЕЛИЕ СВѢТЯИ ИСУСЯ ХРИСТЯ.

написаныи чеѳезъ марка

съестого.

Бачало єснаго и
сусъ христова сы
на божиј. И
може єсть тицъ са
провающехъ. се изъ посыа яко атѣ
да моего предѣлицѣвъ шеинъ,
истѣ богоносити путь шеинъ па
редатовою. Гласа сопни
шаго єспустыни. богоносан
ти тицъ господень, прасыт
ворише стеза ёго. Быть и
бѣиинъ кресты па єспустыни. и
проповедаји крећеније покайни
и ѿштупињи грећоев. Ни
сѫдјаша икнemu єса иудејска
и граина, и нересолимјане. ик
рећухоа иси сопорданији рећи
него исповедајуше грећи свој.
Бе ик нойине обочине са

иб ик иусъ. Иондѣ є
то, поѣлониша імъ. и икоши
и епипили. Иондѣ иусъ и
сѧ, река ик, моеуті. даинії ка
ждая єлядность иаке ик
али. Шодши набічнѹ єси на
роды. креститечи икъ, сойма ти
ча икими икесето азъя. О
чади ик хоети, скоторо што иаки
зломъ сака. икото ик єсамъ єсто
иа, поїсі дни. доскоічнѧа оска.
[єминъ].

иоан. 3. С. 6.
иоан. 6. С. 6.
иоан. 51. С. 6.

Бочатока єснаго и
иусъ христова сы
на божиј. И
може єсть написано в
провающехъ. Ото и посыа икъ
гела моего предѣлицѣвъ шеинъ
шеинъ, которий зготовиши до
ругу шеинъ перадатовою. Го
лоса єричнаго єлѹштыни. го
туши: дорогу пана икъ, про
стые чините суетлики ёго. Бы
иб иоан. креститечи єлѹштыни.
и проповедаји крећеније покайни
и ѿштупињи грећоев. И
суюдна икне икъ икъ икъ
торона, и нуцсолијлане. икре
чилишес єси сопорданији рећи
него ѕи; иакији грећи свой.
Я был иоан. оболочен; ша

ГДЯВЛ. 3.
малукъ. Г. С. 6.
мал. 3. С. 6.
лук. 3. С. 6.
иоан. 3. С. 6.
иоан. 3. С. 6.
иоан. 3. С. 6.
иоан. 3. С. 6.

рсъль

Ил. 5. Начало Евангелия от св. Марка
(издание Василия Тяпинского, 1570).

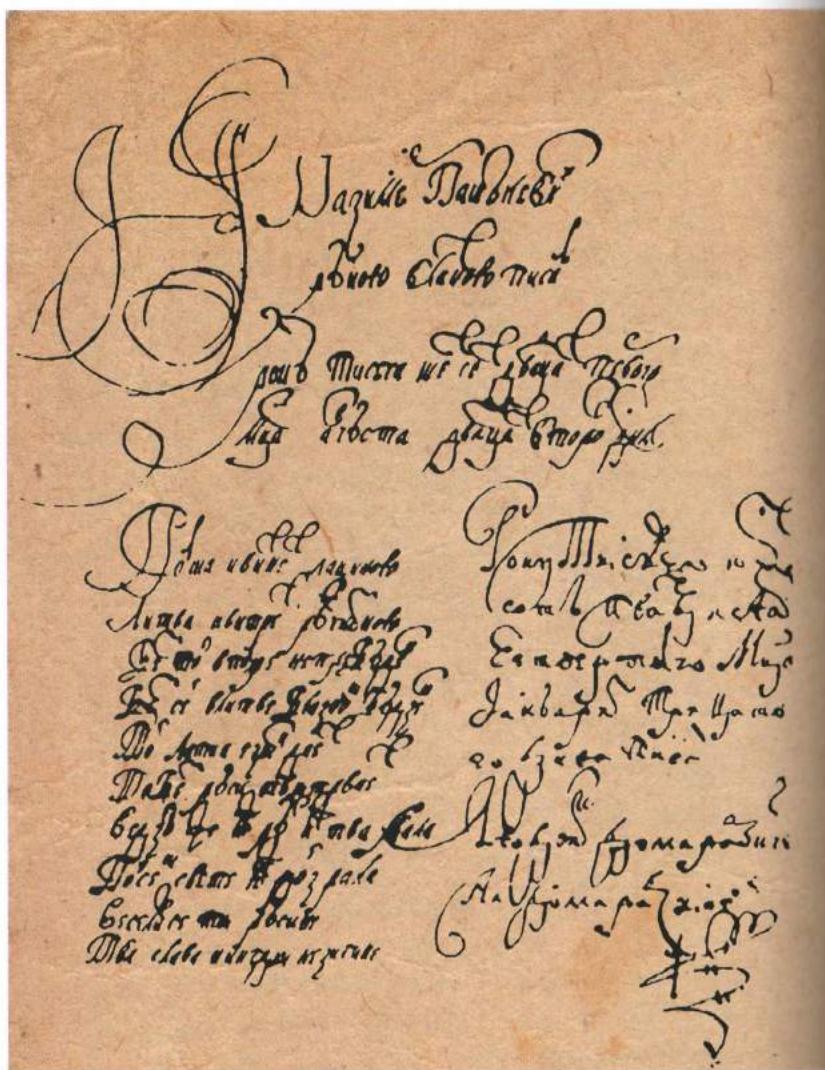
ДІСИЛЕНТЯ ПІНСКИХ ЗЦІНОН МОНАХІ

Словесной, аудиша вого боянъ алеѧ иночан
шевицѧшина ишо іѣлѣ.

5 Слово катафомогоръю - катоприюлю - аглая
народу веомог роfкому - тые єв. оны мѣдни
вѣкомъ глаюю. пригосной оѣмѣти посты, по
коневакаориши люпостивѣрга. аєстине вѣтѣль
бны то поправа. Сѣкциеръ тжененчанено по
10 Зейнійшеси прѣпана несъ апостолъ пода
нос. которай естъ смикаюю бѣсъ. которай
зеловѣскаго лѣвий. тѣни влематъ съроfкій
удартоf выши. и нѣ посмѧтнинанапомочи.
несмылены яко кракомыны выводо. и не слѣдны
15 ми дѣнегъ отъ калочнин словы. алегроf сприялъ
ливы, простый. йцирк. предприне. вѣре. ѿшво
риште. Задигновостнікъ меснічице. ѿневѣликъ
котоприи мѣжъ влѣтненчанніи престосло-
минцополнитое влѣтнини. терпта
20 многочнія не хотѣй. Задѣкое сповелѣтности
народу месній болѣгъ. никоторонітѣрнин
ни пимѣткоf готѣкъ вилоневѣникъ, вѣдрелепа
клару. аглая кнѣстиръ лѣвий. наронихъ ии
бѣкій месцопровѣставаюти. като ѿгѣ влїною
25 лысѣтъ та та же ѿдороги дле зефоfъ и цюпредѣсто
мѣжъ златнорынната. аглая вѣдроf тогого
чи пасоf новоf. аглая и тѣпѣ преси прѣжкачес.
и вѣмните, икетоневѣло ѿнѣ мѣца леонедиc тѣр.
и иниаки посты иконы ии мѣтиноци. алегроf
30 иѣни паси выкрикѣмъ фалити ирдуплане.

Ил. 6. Начало рукописи «Предмовы» Василия Тяпинского (1580, скрипторий Супрасльского монастыря).

Ил. 7. Из «Диариуша» (1603–1604) Федора Евлашевского.

Ил. 8. Автограф стихотворения Яна Казимира Пашкевича, 1621 г.
(Слуцкий список Статута Великого княжества Литовского (1529).
Л. 13).